

ДВУХСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№ 8 ДЕКАБРЬ 2017 ГОДА

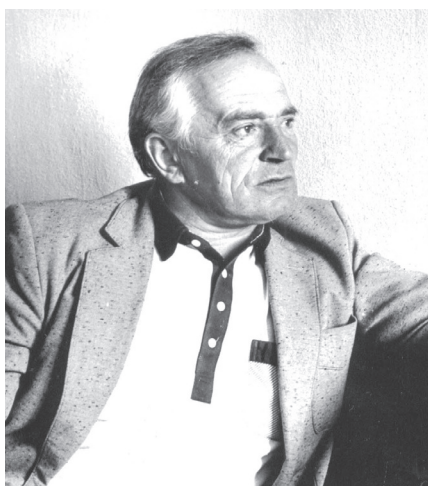
• Памятники Тверской провинции

Стела вице-адмиралу Корнилову

В Старице установили памятную стелу в честь земляка, выдающегося флотоводца В.А. Корнилова (1806-1854). Событие состоялось благодаря Ассо-

циации тверских землячеств, Союзу моряков-подводников ВМФ РФ, Фонду памяти вице-адмирала В.А. Корнилова и администрации Старицкого района.

Вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов внес большой вклад в развитие российской военно-морской науки и военного кораблестроения. Геройски погиб при обороне Севастополя в период Крымской войны.

Александр СТАРОДУБЦЕВ Торжокский р-н

Александр Васильевич Стародубцев живет в поселке Восход Торжокского района. Родился в конце Великой Отечественной войны в Кировской области. Трудиться начинал на токарном станке в поселке лесорубов. Учился и возил уголь в шахтах Донбасса. Служил в Советской Армии. Работал испытателем высоковольтного оборудования. Побывал в командировках в разных уголках России и ближнего нынче зарубежья. С семидесятых годов живет и работает на селе, долгое время был бригадиром знаменитого колхоза «Мир». Стихи и проза А.В. Стародубцева публиковались в тверских и российских газетах, альманахах «Каблуковской радуги», издательствах художественной литературы Российского портала: Проза.ру, транслировались по тверскому радио и телевидению. Александр Васильевич автор двух книг стихов и прозы, член Российского союза писателей.

«ДОЖДИК БОСЫМИ НОГАМИ ПРОШЕЛ...»

СОЛНЦЕ НА ЛЕТО

«Солнце на лето – зима на мороз».

(Пословица)

Солнце на лето – зима не морозь.
Прожили зиму – весна за
околицей.

Скоро в застуженных ветках берез
Вновь загуляет зеленая вольница.

Солнце на лето. Не время грустить
Грянет в природе волна
обновления.

Этой порою в мечтах погостить
И заблудиться в чертогах творения.

Солнце на лето. И как хорошо.
Ясное солнышко. Радость
весенняя.

Дождик босыми ногами прошел
Лугом Рубцова и рощей Есенина.

Солнце на лето. Природы секрет.
Нежность в палатах столетий
хранимая.

Первых цветов собираем букет –
Чтобы в ответ улыбнулась
любимая.

Солнце на лето. Надежде служить,
Даль обнимая дорогой не
пройденной.

Хочется верить. И хочется жить
Благословеньем завещанным
Родиной.

Солнце на лето. А годы спешат.
Волны рассвета над свежою
пахотой.
В крыльях заката притихнет душа
Перед судьбою, как небо,
распахнутой.

ОВСЫ

Этот клин пахали на «авось»,
У подлеска выхватив лощины,
Мягким следом сеяли овёс,
Торопя усталые машины.

Тарахтела: «Де-ло не к-ру-ка-м-м...»
На опушке сирая сорока.
Только мы, поверив старикам,
Силились отсечься до срока.

Кто-то говорил: «Напрасен труд.
Быть на этом поле недороду».
Но, скажите – разве только тут
Рисковать случалось хлеборобу?

Две недели мечется душа –
Не сгубил бы лиховея овсинок.
И казалась мёртвою межа
Под кудрявым зонтиком осинок.

Но, однажды, раннею порой
Тихий дождик оросил округу.
На Руси его зовут – грибной.
Был не частым он и шёл по кругу.
(окончание на стр. 2).

(начало на стр.1).

И зазеленела, зацвела
В мягком свете молодая нива.
Я бы эту землю – целовал,
Так была свежа, и так пьянила!

Изумрудом неземной красоты,
Юною зарёю освящёны,
С тишиною шепчутся овсы,
Расстилаясь скатертью зелёной.

Дорастут? Конечно, дорастут!
И волною заиграют к сроку.
Не теряйте по весне минут.
И, ещё – не слушайте сороку.

ГРУСТЬ

Василию Рысенкову

Листьев золотой плед
Стелет по лесам осень.
Потеряв зимы след,
Бродят за межей лоси.

Колокола стих стон,
Сполохом закат мечен.
Чернотропом в мой дом
Рано забредет вечер.

Тихо прошуршит дождь,
Тишину вспугнет стая.
Веточки сырой дрожь
Грустью на душе стала.

В чередё пустых сел
Мечется шатун-ветер.
Мыслимых потерь соль
Стелется немим светом.

Робко расцветет день.
Журавлиный клин тает.
Новых холодов сень
Снова подняла стаи.

Первый упадет снег.
На меже уснет осень.
В логово зимы след
За межей найдут лоси.

АЙ, ЗИМА!

Ай, зима. Обую пимы.
Разрумянился мороз.
День цветет. Неудержимы
В небесах пушинки рос.

Не вчера ли звездопадом,
Посредине января,
Белым пухом иней падал,
На седые тополя.

Холодает. Над рассветом
Зори поздние красны.
Замороженное лето
Спит в сугробах до весны.

По проселку мчатся кони –
Отворяй зима простор.
Ясный день забаву гонит
На широкий косогор.

Ай, зима. Обую пимы.
Нынче кутаться не грех.
По Руси гуляют зимы –
Время Святки и утех.

ГЛАЗА ЛЮБИМОЙ

Как вдохновенно рисует иней
Свои узоры в твоих ресницах.
А в океанах, бескрайне – синих,
Глаза любимой – две синих птицы.
Они покорны и недоступны.
Они чаруют простором синим.
В них утонуло шальное утро,
А на ресницах – пирует иней.

Я ощущаю твоё дыханье.
В моих ресницах – ночует иней.
Воспоминанья... Воспоминанья...
Две синих птицы – глаза любимой.

КРЕСТЬЯНЕ

Без нас плывут по морю пароходы
И самолеты в небо улетают...
А мы – друзья и пасынки погоды,
И нас – с рассвета поле ожидает.

Оно зовет с зари, родное поле,
Неволит вместе провожать закаты.
В нем наша гордость и святая доля
А мы – его послушные ребята.

Еще весной, под пенё жаворонка,
Мы это поле хлебом засеваем.
Бредем под вечер краешком
проселка
И греем душу новым урожаем.

Разнежит лето шелковые травы.
Журчат в лугах разбуженные косы.
И встанут скирды весело и браво.
Ну, что за лето нам без сенокоса?

А соберутся белые туманы,
Укроют перелески и долины –
Мы провожаем хлеба караваны
Вослед тревожным стадам
журавлиным.

Мы все – друзья и пасынки
погоды.
Но если мы не намолотим хлеба –
Не поплывут по морю пароходы
И самолеты не достигнут неба.

ДОМИК В ДЕРЕВЕНЬКЕ

Домик в позабытой деревеньке,
Утонул в берёзовом кольце.
Скрипнут ли когда-нибудь
ступеньки
На твоём заброшенном крыльце?

Домик в деревеньке невеликой
Умывает росами рассвет.
Нет в Руси приветливее лика,
Но и мест в Руси грустнее нет.

Домик в деревеньке у дороги.
Изукрасил бережно закат.
Заросла тропинка у порога.
Только, кто же в этом виноват?

Домик невеликий, не убогий
Над тобою в розовый закат
По шелками вышитой дороге
Завтра снова птицы полетят.

Домик в деревеньке над рекою,
В окнах свет малиновой зари.
Пусть хранит тебя судьба покоем,
А весною встретят журавли.

СУГРОБЫ ПРОЗЫ

Валерию Кириллову

Вы знали, как тают звёзды
В немыслимо-тёмном небе,
Когда серебром и тленом
Застелется небосвод –
А мир тяжело и грозно
Лежит на высоком гребне
Свободой гордясь и пленом,
И верит в любой исход?

Вы слышали вздох рассвета
Укрытого пеленою,
Когда в седине тумана
Погасло крыло зари –
Когда крохотинки света
Несмелою чередою,
Потерянн и устало
Не падают до земли ?

Послушайте голос птицы
Подраненной и забытой,
Когда за межою пашен
Тревога и листопад –
Когда не крылом зарницы
Усталая машет птица,
Всё реже крылами машет
И падает – наугад .

Ну, что же, – ты видел звёзды?
Почувствовал вздох рассвета?
Услышал, как плачет птица?
Изведла святую грусть?
– Немые сугробы прозы
Лежат без тепла и света,
И в той глубине томится,
И заживо стонет Русь.

«Тверской жизни» 100 лет

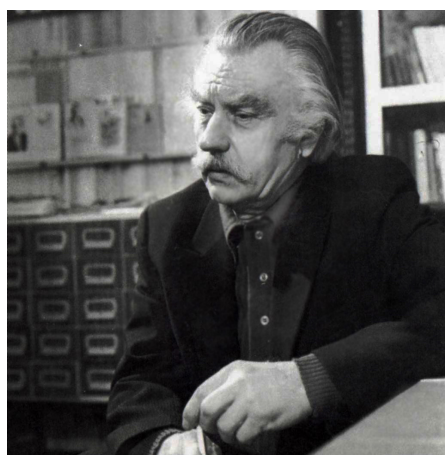
ОНА была создана на базе «Тверских губернских ведомостей» - официального органа губернской власти до революции. С пятого номера переименована в «Известия Тверского Совета рабочих и солдатских депутатов».

В 1926 году газета стала называться «Тверская правда». С 25 декабря 1931 года она выходит под новым названием - «Пролетарская правда». В 1935 году после образования Калининской области получает

статус областной. В 1952 году газета вновь меняет название и выходит в свет уже как «Калининская правда». В ноябре 1967 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Калининская правда» была удостоена ордена Трудового Красного Знамени. В 1990 году она переименована в «Тверскую жизнь».

Газета оставила заметный вклад в общественно-политической и культурной жизни области. В разные годы в

коллективе редакции работали талантливые мастера пера, ставшие профессиональными писателями, публицистами. Среди них лауреат Ленинской и Государственной премий Иван Васильев, Борис Лапченко, Юрий Красавин, Владимир Пальчиков, Геннадий Сазонов.

Читателям запомнились также квалифицированные, острые статьи таких журналистов как Александр Смирнов, Алексей Матвеев, Сергей Душенков, Виктор Липин, Семен Флигельман, Антонина Слободянюк, Марина Мотузка, Василий Быковский, Юрий Батасов, Нина Алексеева, Татьяна Маркова.

В годы войны одним из редакторов «Пролетарской правды» для оккупированных районов Тверской области был уроженец деревни Донское Андреапольского района Иван Капустников.

В 1989-2001 гг. газету возглавлял уроженец Андреаполя, известный писатель и публицист, лауреат премии «Слово к народу» Валерий Кириллов, многое сделавший для сохранения этого издания в переломное время.

С «Тверской жизнью» были связаны судьбы Алексея Комарова, Александра Рождественского, Леонида Шимановича и других талантливых фотомастеров.

Н. Иванова

На снимках: Валерий Кириллов; Алексей Комаров; Иван Васильев; корреспондент Марина Мотузка с водителем Николаем Мироновым, проработавшим в редакции свыше сорока лет.

Андреапольский след в Антарктиде

В АНТАРКТИДЕ есть купол Чугунова и ледник Чугунова. Человек, имя которого увековечено таким образом, имеет прямое отношение к андреапольскому краю.

Н.А. Чугунов родился в 1928 году в деревне Усадьба Торопацкого сельсовета в крестьянской семье. Окончил Заселицкую начальную и Торопацкую семилетнюю школу. Четыре года служил на флоте. Учился в институте, став инженером-аэрологом. В 1957 году отправился в Антарктическую экспедицию.

Будни исследователей были сопряжены с огромными трудностями, а то и с трагедиями. Однажды самолет ЛИ-2 под управлением пилота В.В. Григорьева возвращался с Комсомольской. Внезапно отказали моторы. Самолет потерял высоту и плюхнулся в снег. К счастью, никто не пострадал. Это было в 560 километрах от берега. В.М. Петров на другом самолете совершил посадку у разбитого самолета и доставил его экипаж в Мирный. Второе событие было трагическим. 21 января 1958 года во время стоянки поезда на станции Комсомольской умер следовавший на станцию Советская аэролог Николай Александрович Чугунов.

В «Ледовой книге» Юхана Смуула обнаружили такие записи: «22 января 1958 года:

«Сегодня Мирный печален. Ночью из Комсомольской привезли тело Николая Алексеевича Чугунова, молодого инженера-аэролога. Он четвертый из советских полярников, погиб-

ших в Антарктиде. Во время первой экспедиции погиб тракторист Хаара, провалившийся с трактором под морской лед. Во второй экспедиции обломившийся барьер погубил двух курсантов с «Лены». Чугунов четвертый.

Он отравился на Комсомольской газом, когда варил обед для участников тракторной колонны. Спасти его не сумели.

Я не знаю Чугунова, так как он приплыл сюда на «Оби», но уверен, что на Комсомольской мы встречались, даже, вероятно, болтали, а может быть, сидели рядом в кино. Его спутники говорят, что он был хорошим товарищем, чудесным человеком.

Утром, еще до того, как узнал о смерти Чугунова, читал новеллу Колдуэлла «Полевые цветы». Возможно, так мне теперь только кажется, но мне чудилось, что где-то рядом ходит смерть. В самом деле, можно написать книгу и употребить при этом миллион слов, из которых каждое будет правдой, но не в человеческих возможностях написать в прошедшем времени: «Я умер». Кто-то другой пишет: «Он умер». Чугунов умер. Наверное, завтра на Комсомольскую вылетит вместо него другой инженер-аэролог. Жизнь не останавливается, она идет вперед, тронется дальше и тракторный поезд, но уже без Чугунова. Он был молодой человек, перед самой поездкой в Антарктиду женился. Дня через два мы его похороним в Мирном, во льду на берегу моря Дейвиса. И все-таки след его останется на белой странице Антарктиды. 24 января 1958 г.

Сегодня в девять часов вечера были похороны Чугунова.

Мы собрались у метеорологической площадки. Люди в валенках с опущенными на шапки капюшонами шли, сгорбясь, против ветра. Шли так, словно несли на своих плечах весь лед Антарктиды и всю тяжесть смерти. Гроб, обитый кумачом, поставили на тракторные сани. В почетном карауле стояли товарищи Чугунова – метеорологи и аэрологи. Буря рвала на них ватники и капюшоны.

Выступали Бугаев, Толстиков, Трешников. Это мужественные люди, знающие, что такое риск и во имя чего стоит рисковать.

Гроб селом Чугунова отнесли на морену недалеко от Мирного. По-

гребли его здесь до той поры, когда лед на море Дейвиса окрепнет.....

Тогда гроб перенесут на один из островков на рейде Мирного, где уже спят двое товарищей покойного, погибших под обломками барьера. Салют из охотничьих ружей. А буря плакала над Мирным».

С Антарктидой связано имя и другого нашего земляка. Александр Григорьевич Скрипилов родился 12 декабря 1929 года в деревне Величково Ленинского (Андреапольского) района. Учился в Андреапольской средней школе. В 1953 году окончил военное отделение Высшего мореходного училища им. Адмирала С.Н. Макарова в г. Санкт-Петербурге, радиотехнический факультет. Служил в ряде оборонных НИИ и воинских частях в Санкт-Петербурге и Москве. Осуществлял радиотехническое обеспечение задач, стоящих перед ВМФ СССР. Участник 2-й антарктической экспедиции СССР в Антарктиду в 1957-1958 гг. (проводил испытание дальней связи). Впоследствии окончил адъюнктуру Высшего военно-морского училища радиоэлектроники им. А.С. Попова, кандидат технических наук.

Вышел в отставку в 1990 году с должности заместителя начальника отдела радиоэлектронного обеспечения Главного штаба ВМФ, в звании капитана 1 ранга. Был удостоен государственных наград. На пенсии в основном жил в рязанской деревне Фатьяновке, где занимался пчеловодством (предварительно окончил университет пчеловодства). Умер в 2011 году, похоронен в Москве.

• Литературное краеведение

ПЁТР ПРОСКУРИН:

ТВЕРСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Творческая и биографическая связь крупного писателя с конкретным краем – всегда благодатная тема для историко-литературных и литературоведческих исследований. Известный русский прозаик и публицист Пётр Лукич Проскурин (1928–2001) не исключение: он жил и работал в Твери с 1994 по 2001 гг. Кроме того, в 1952–1953 гг. Проскурин служил в рядах Советской Армии, в г. Ржеве. В 1953 г. в окружной военной газете «Красный воин» была опубликована его поэма о лётчиках – первый литературный опыт. Возникает вопрос: была ли впоследствии републикация этой поэмы где-либо?

ЖЕНА писателя – Лилиана Рустамовна – называла наш город «Тверское Болдино», подчеркнув тем самым благодатное влияние Твери и Верхневолжья в целом на творческую энергию писателя. Давно уже пора с опорой на уже известные факты продолжить изучение тверских страниц жизни и творчества Проскурина с целью создания обобщающей книги «Пётр Проскурин и Тверской край», которая жанровом плане синтезировала бы черты научной монографии, литературно-краеведческого и литературно-критического очерка. Замечу, что изданная в 2011 г. книга П. Майданюка с таким же названием отличалась крайне эклектичным содержанием, фактическими ошибками и совершенно не раскрыла заявленную тему.

Остановлюсь на тех «белых пятнах», которые пока ещё имеются, но должны постепенно стираться кропотливыми исследовательскими поисками, а также наметить некоторые векторы изучения данной тематики. На сегодняшний день сделано самое главное: память писателя у нас увековечена. 27 мая 2002 г. в Твери по адресу Свободный переулок, д. 1г была открыта мемориальная доска. Это событие, как и последующая встреча с читателями в областной библиотеке имени А.М. Горького с участием

вдовы и сына писателя, а также корифеев литературы прозаиков Владимира Карпова, Михаила Алексеева, поэта Егора Исаева, широко освещались тверскими СМИ. Месяцем раньше в газете «Тверская жизнь» появилась информация о намерении создать в Твери филиал центра по увековечиванию памяти П. Проскурина. Однако никаких действий за этим, к сожалению, не последовало. В 2003 г. в музее М.Е. Салтыкова-Щедрина открылась экспозиция, посвящённая 75-летию со дня его рождения. Всего этого явно недостаточно.

Что же необходимо ещё сделать? Первое. Известно, что в Твери был в основном написан впечатляющий ряд произведений П. Проскурина: романы «Седьмая стража», «Число зверя», сборники повестей «Аз воздам, Господи», «Огненный ангел», «Мужчины белых ночей», вторая книга повести «Порог любви».

Проскурин – писатель глубоко философского склада, который претворяет личные впечатления, злободневные раздумья в мировоззренческие истины, в напряжённые духовные поиски русского пути в эпоху цивилизационного слома, какой были 1990-е гг. Чётких местных реалий и примет в его «тверских» книгах найдётся немного. Поэтому нужна кропотливая тек-

стологическая работа, которая позволит выявить такие детали и сюжетные повороты в его произведениях, которые, будучи географически обезличены, с большой долей уверенности могли появиться лишь благодаря соприкосновению (в первую очередь духовному) писателя с Верхневолжьем. Нужно постичь их идейную и эстетическую задачу, увидеть их символическое переосмысление в структуре романа или повести. Возможно также сопоставление событий и психологических коллизий в прозе Проскурина второй половины 1990-х гг. и реальных резонансных событий тех лет в Твери и области.

Так, роман «Число зверя» начинается с поэтического (не по форме, а по образности) описания истока Волги, которое затем переходит в контекст русской историософии, сопрягаясь с христианской истиной предостережения от зла и проблемой выбора – кому служить – Богу или сатане:

Именно здесь, в глухом болотистом месте, по-детски прозрачный ключик и являл собой вечную силу земли – здесь таилась сама душа Волги, и зримо являлась она только в строго означенные сроки, перед самыми трагическими свершениями.

(продолжение на стр. 6).

(начало на стр. 5).

И всегда в одном образе – в светлом лике ребёнка, возникавшем и в самом родничке, и в небе над ним в предвещии земных потрясений и смещений, когда предстояли разломы самой жизни. Узреть пророческий лик было дано лишь чистым сердцам, *странникам* русской судьбы и печали, и последний раз такое предвещие случилось перед самой смертью Сталина – лик ребёнка проступил сквозь голубой, ещё не совсем рассеявшийся мрак ночи над родничком, и в туманных детских очах дрожали кровавые слёзы.

До сих пор у русских *странников* и *печальников* из рода в род передаётся весть о пророческом явлении окровавленного лика ребёнка над ключевым истоком Волги двенадцать раз подряд перед роковым днём сыноубийства царём Иваном, – плакала безутешно душа великой реки, являя миру предостережение, но так уж положено судьбой человеку – находить путь в слепоте своей, звать Бога, а служить сатане, – ничего из этого заклания не меняется на земле и до сих пор, потому что, по определению апостола, человек есть ложь...

Л. Проскурина в своих воспоминаниях привела яркий пример символического преобразования обыденной бытовой ситуации:

«...В то хмурое октябрьское утро они, дед с внуком, опаздывали в детский сад (он находился на ул. Староворобьёвской. – А.Б.); Славик слишком долго восседал на своём горшке, бормоча и болтая что-то своё бездумное и безмятежное. Пётр, уже давно одетый, прислонившись к косяку двери, терпеливо ждал. Вдруг он перестал выбивать дробь по притолоке,

скинул куртку, прошёл в кабинет и быстро набросал несколько слов на листке бумаги. <...> Вот это стихотворение:

ОТРОК

*Явился отрок на пороге дня,
И взор его и светел был, и ясен,
Рассветный мир улыбкой осеня,
Он возвестил, что Божий мир
прекрасен.*

*Что каждый будет призван и прощён
За подвиг жизни – за любовь и веру
И за слепое равенство сторон
В душе разъятой, призванной к
барьеру.*

*Но каждый с чёрной метою души
В стремлении слепого разрушенья
Не переступит больше рубежи
Любви и веры, света и прощенья...
Улыбкой тихой утро осеня,
Вновь подтвердив, что подвиг не
напрасен,*

*Встал отрок ясный на пороге дня
И возвестил, что Божий мир
прекрасен.*

Что же мы видим? Ни упоминания о Твери, ни о характере родства писателя с мальчиком, ни о ситуации, давшей импульс поэтическому вдохновению. Перед нами – великолепная философская, христианская медитация, отразившая мировидение Петра Проскурина во время «новой русской смуты».

Второе. Тверская пресса (в частности газета «Тверские ведомости») публиковала острую публицистику писателя, интервью с ним, фрагменты его будущих романов. Необходимо полное выявление всех этих произведений, их систематизация и критический анализ, в том числе соотнесение с идейно-эстетическим своеобразием создававшихся в тот же период художественных творений, а также поиск читательских откликов.

Такой же поиск следует провести и по газетам тех районных центров, куда приезжал или где выступал писатель (в частности, Ржев и Осташков). Кстати, интересный материал о пребывании писателя в Осташкове я случайно обнаружил

в одной из книг местного журналиста Юрия Регилеса (Крылова).

Участие писателя в литературной жизни Твери и области было довольно активным и уже этот факт составляет отдельную яркую страницу.

Третье. Пётр Проскурин неоднократно выступал по тверскому телевидению. Возможно, в архивах ГТРК «Тверь» сохранились эти выступления, а равно иные телесюжеты, связанные с ним (то же открытие мемориальной доски). Дополнительно можно снять телесюжеты о местах в Твери, Ржеве, Осташкове, непосредственно связанных с жизнью писателя (конечно, провести съёмки в мемориальной квартире, если она сохранилась в первоначальном виде), взять интервью у людей, с которыми общались супруги Проскурины. Правда, делать это лучше было бы гораздо раньше, поскольку некоторые из них уже ушли из жизни. Конкретные сведения, указывающие на направления поисков, содержатся, в частности, в опубликованных воспоминаниях Л. Проскуриной.

Я убеждён, что при желании и взаимодействии инициативной творческой группы заинтересованных лиц, возможно создание полноценного документального фильма «Пётр Проскурин и Тверской край».

Четвёртое. Нужно проследить всю историю инсценировок произведений П. Проскурина в Тверском академическом театре драмы. Ведь на его сцене были поставлены спектакли «Имя твоё» (по одноимённому роману) и «За порогом любви» (по повести «Чёрные птицы»). «Имя твоё» было сыграно также в академическом Малом театре в Москве. Нужен поиск и анализ рецензий на эти постановки, в том числе в столичной периодике. Следует побеседовать с художественным руководителем ТАТД Верой Ефремовой, исполнителями главных ролей Наиной Хониной и Леонидом Брусиным.

(окончание на стр. 7).

(начало на стр. 5-6).

Пятое. Глубокое исследование рукописей, эпистолярного наследия П. Проскурина, относящегося ко времени его пребывания в Твери. Это – длительный и трудоёмкий процесс, но он сулит не только полное восстановление тверского периода его жизни и творчества,

но и, возможно, открытия. Здесь не обойтись без взаимодействия с коллегами из Орла и Брянска, а также с близкими писателя, хранящими рукописные и иные свидетельства, например, фотоматериалы.

Не подлежит сомнению, что личность и наследие Петра Проскурина навсегда останутся в исто-

рии русской литературы XX века, а их тверские страницы – дополненные, систематизированные и вновь открытые – будут значимым и весомым вкладом в увековечивание памяти выдающегося русского писателя и публициста.

Александр БОЙНИКОВ

«Путешествие по Млечному Пути»: первый юбилей

ПЯТЬ лет назад в Твери в Ботаническом Саду Тверского государственного университета впервые состоялся поэтический праздник. Кроны деревьев, смыкаясь в арки, создавали надёжное укрытие от непогоды. Горел костёр, по дорожкам были расставлены свечи, гостей встречали чашкой ароматного чая из самовара... Десяток отчаянных смельчаков из литературного объединения «Струны души» и их друзья, коллеги по перу из других литературных клубов Твери, читали стихи и пели песни при свете костра. Им аплодировали двадцать-тридцать преданных зрителей в перчатках и шарфах...

В пятый, юбилейный год «Путешествия по Млечному пути» на площадке в глубине Ботанического Сада, едва могли поместиться все желающие. Люди кутались в шали и пледы, старались подойти ближе к костру и к сцене. Слава Богу, прогресс пошёл вперёд, и все выступающие были ярко освещены софитами, а их поэтические строки, усиленные микрофонами, улетали далеко за пределы площадки – к реке

Тверце, и конечно, ввысь, к звёздам...

Многие поэты, читавшие стихи в тиши вечернего Ботанического сада, были членами творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья»: Вера Грибникова, Ольга Кочнова, Виктория Исаева...

Но в этот раз организаторы подготовили сюрприз для посетителей мероприятия: главными на поэтической площадке стали дети, от пяти до двенадцати лет. Среди них был устроен конкурс чтецов. Всем достались призы и подарки, а специальные памятные дипломы от организаторов получили пятилетняя Аня Захарова и шестилетний Миша Боярских. Ребята пришли на праздник с мамами и папами, и было видно, как переживают родители. Ещё бы! В таком возрасте прочесть для публики стихотворение Владимира Маяковского «Послушайте!» («Ведь, если звёзды зажигают, значит – это кому-нибудь нужно?..») или стихотворение, которое сочинила специально к этому конкурсу мама – это очень ответственное и почётное задание!

Любовь СТАРШИНОВА

Фото Дианы Мун

• Редкие песни

НА МУРОМСКОЙ ДОРОЖКЕ

На Муромской дорожке
Стояли три сосны.
Прощался со мной милый
До будущей весны.

Он клялся и божился
Одну меня любить.
На дальней на сторонке
Меня не позабыть.

Наутро он уехал,
Умчался милый вдаль.
На сердце мне оставил
Тоску лишь, да печаль.

А ночью мне приснился
Ужасный страшный сон,
Что милый мой женился,
Нарушил клятву он.

А я над сном смеялась
При ярком свете дня:
Да разве ж это будет,
Чтоб мил забыл меня?

Но сон мой скоро сбылся.
И раннею весной
Мой милый возвратился
С красавицей женой.

Я у ворот стояла,
Когда он проезжал,
Меня в толпе народа
Он взглядом отыскал.

Увидев мои слезы,
Главу на грудь склонил.
Он понял: мое сердце
Навеки погубил.

По Муромской дорожке
Стояли три сосны.
Со мной прощался милый
До будущей весны.

•Литературное краеведение

«ЗЕМЛЯ МОЯ, ВОСКРЕСНЕШЬ ТЫ!»

ДВЕ РОССИИ

Россия - целая Планета,
Где правда есть, и есть обман.
Блеснули гордо эполеты,
Шагнув отчаянно в туман.
Навстречу звезды заалели
На шлемах с гордым шишаком.
Как будто орды налетели,
Грозя наганом и клинком.
- России две, - кричали эти.
- России две, - кричали те.
Она совсем одна на свете
В своей извечной маете.
Кому теперь не очень ясно,
Что кровь к ответу призовет?
Делить на белых и на красных,
Делить нельзя родной народ.
Слезам падают удары
Отлитых вновь колоколов.
И за погибших комиссаров,
И за погибших юнкеров.
Под флагом нового Мессии
Ходить не станем в дураках!
Не обустроена Россия,
Не обустроена пока.
Дороги будут, храмы будут...
Земля моя, воскреснешь ты!
Вселенная вспоила грудью
Твои хлеба, твои сады,
Твои снега, твои рассветы
От Сахалина до Москвы...
Россия — целая Планета.
Вы с ней, пожалуйста, на Вы!

ЗАРЕВО

Красное зарево лжи
Пляшет на русском просторе:
В гривах растрепанной ржи
И на Кремлевском подворье...
Я не хочу обвинять
Души людские облыжно.
Вот она, Родина-мать,
Ветром и солнышком дышит.
Сосны роняют смолу,
Соком сочатся березы.
Тянутся волки к теплу,
К нашим бесхозным колхозам.
Что говорить обо мне?

Михаил СУВОРОВ

Михаил Иванович Суворов родился 24 февраля 1930 г. в деревне Тишино Рузского района Московской области. В годы Великой Отечественной войны работал слесарем инструментальщиком на местной картонной фабрике. В 13 лет от взрыва мины потерял зрение. После окончания войны получил направление в Куйбышевскую школу-интернат для слепых детей, где получил среднее образование. В 1953 году стал студентом историко-филологического факультета Калининского педагогического института. Еще в школе Михаил начал интересоваться поэзией. Увлечение переросло в призвание. В год окончания института (1958) вышла первая книга стихов «Верность». Всего им изданы шестнадцать поэтических сборников. Многие стихотворения поэта положены на музыку: «Красная гвоздика», «Поют девочки о любви», «Не грусти», другие. Более тридцати лет он преподавал в специализированной очно-заочной школе рабочей молодежи для слепых. Ему было присвоено звание заслуженного учителя Российской Федерации. В 1961 году Михаил Суворов стал членом Союза писателей СССР (ныне России). Скончался 19 июня 1998 года.

Диву дается Планета,
Как на кострах в тишине
Жгли, торопясь, патрбилеты.
Вот она, новая жизнь!
Душит свободным озоном...
Красное зарево лжи
Ширится до горизонта.
Сердце исходит тоской,
Горечью дикой рябины:

Сколько легло под Москвой,
Сколько легло под Берлином!
Все о тебе, о, Земля,
Слезы поэта у горла!
Лед Колымы, как зола,
Спекся в глазницах комкоров...
Время – вперед и вперед.
Время шагать не устанет.
Господи, что за народ,
Что за народ – россияне!
Хоть хохочи ли плачь,
Хоть отмечай на скрижалях!
Каждый из нас – каторжанин,
Каждый из нас и палач!

МЕЖА

Какое зеленое звездное небо!
Какая морозная глушь!
И возле развалин церковные вербы
Склонились
как призраки душ.
Чернеют могилы - одна и другая.
Здесь ангел неслышно парит,
И губы, и крылья свои обжигая
Слезой,
что под сердцем горит.
Луна озаряет солдатские снимки, -
Короткая жизнь отцвела.
И цинки гробов, как патронные
цинки,
Печально земля приняла.
Россия, Россия!
И горько, и жутко
Среди неподвижных снегов.
Неужто твое долгожданное утро
Не вспыхнет во веки веков?
Не хочется верить.
Да, это нелепо,
Что мы навсегда на меже...
Какое зеленое звездное небо!
Какая тоска на душе...

ВЕСЕННЯЯ ПОРА

Не где-нибудь - почти в прологе
Томит весенняя пора.
В туманной мгле уже сутра
Душа едва таскает ноги.
Внушают мне и так, и в лицах
Друзья, готовые помочь:
«...Душа обязана трудиться
И день, и ночь, и день, и ночь»...
Я, как таблицу умноженья,
Твердил чеканные слова.
Ходила кругом голова,
И воскресло вдохновенье.

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Весна ли нынче не такая,
Иль сам я нынче не такой.
Да что лукавить, боже мой,
Россия кажется другой.
Душа моя в ней, как чужая.

САДЫ

Отцвели, в лучах играя,
Краснощекие сады.
Я люблю в звенящем мае
Их метельные цветы...
Как они светло вздыхают,
Как молчат и как поют!
Это значит,
что мечтают
И как люди,
счастья ждут.
...Счастье, счастье - вот загвоздка:
Как его приворожить?
Может статься, очень просто,
Только можно не дожить. ...
Вновь сады в грозовом гуле
Тяжелеют до корней.
Я люблю сады в июле,
В пору солнца и дождей.
Как они рожают свежесть!
Эту свежесть не забыть.
Как они живут надеждой!
Без надежды не прожить.
Только мне всего дороже
Зрелый сад осенним днем:
Как-то ярко и тревожно,
Как-то все на месте в нем.
Это яблоки, а это
Сливы спелые висят...
Не зазря плыла планета
Сквозь снега, дожди и град.
Сад сияет, сад гордится:
Мол, трудились, как могли.
И уже ложатся листья
В золотой запас Земли!

РУЗА

Подмосковный город Руза, -
Детства древний уголок.
Милый мой, я занемог,
Это горько, это грустно...
На твоих крутых горах
Церкви вспыхнули крестами.
Речка гулькает волнами.
Боже, сколько на часах?

Где-то прячется рассвет.
Нет границы ночи длинной.
Далеко за половину
Я забрел по склону лет.
Не добыл я на Руси
Ни богатства, и ни славы,
Не пробился к «златоголовой»,
Миг удачи пропустил.
Руза, Руза, это грустно,
Это горько, ей же ей!
Догоревшего уруса,
Если можешь -
пожалей...

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Тишина, как обручем кадушку,
Стиснула деревья и цветы,
И мою растрепанную душу,
Где мечты от горечи желты.
В желтом зное и река, и горы.
В желтом небе солнце, как пятак.
Желтым глазом, круглым и
упорным,
Ждет тревожно недалекий мрак.
Он бредет, ползет от горизонта,
Что себя надеждой усыплять!
Пчелы роем прилипают к сотам.
Даже коршун перестал стонать.
Кто-то в доме крутит радиолу:
Сладко плачет тенор о былом...
Мы природы вековую школу
Вспоминаем,
если грянет гром!

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Тело Земли остудилось...
Пар от лугов и полей.
Солнце с горы покатилося
В пенные волны морей.
Пусть искупается, ладно.
Вечером звезды горят.
Что понаделал над садом
Стадом промчавшийся град.
Ветки на сломках белеют,
Яблоки втоптаны в грязь.
...Рушить мы тоже умеем -
Дали бы только приказ.
Дом или город -
под корень:
Пушки всегда начеку.
После...

• Письмоносец

ОТКРЫВАТЬ ПОВСЕМЕСТНО

Товарищ из Санкт-Петербурга, проводящий лето в Андреаполе, рекомендовал мне сайт «Двинский бережок». На нем я за несколько часов прочитал пять вышедших в свет номеров, сейчас с нетерпением ожидаю шестой, седьмой... Восхищен тем, что вы обнаруживаете в нашей провинции столько удивительных талантов – людей, можно сказать, с большой буквы. У меня предложение отрывать такие газеты и сайты повсеместно. Они должны быть в каждой области, в каждом городе. Это будет эффективным ответом антикультуристам с их «матильдами» и серебрянниковыми. Власть должна поддержать такое начинание, если ее по-настоящему заботит нравственное здоровье народа.

К. Ребиков,
г. Москва

УЗНАЛА ИЗ ГАЗЕТЫ

С огромным удовольствием прочитала все, рада за всю Тверскую губернию, а особенно за любимый Андреаполь. Как всегда, замечательное дело неутомимого Валерия Кириллова –подвижника Андреапольской земли!

Я училась в 1-ой школе с 1958 по 1967 год. Потом отца перевели во Ржев. Но с одноклассниками поддерживаю связь. Мы приезжали на 90-летие школы. Надеюсь на встречу и на 100-летие. И прочитала об этом в газете.

Лидия Кузьмичева,
г. Москва

КАЖДЫЙ НОМЕР ИНТЕРЕСЕН

Газета ваша просто замечательная, каждый номер интересен. Она по-настоящему просветительная. По интернету пересылаю её родственникам в Тверь. Нравится и моим старым знакомым, те читают «Бережок» только в бумажном варианте. Искренне желаю Вам так держать!

Галина Кирпичева,
г. Нелидово

Андрей КАНАВЩИКОВ

г. Великие Луки

Родился в 1968 году. По образованию журналист. Главный редактор МУП «Издательство “Великолукская правда”». Со стихами, прозой, публицистикой публиковался в журналах «Смена», «Север», «Пульс», «Слово», «Аврора», «Дон», «Русская речь», «День и Ночь», «Наш современник», «Московский вестник» и других. Автор книг «Иней», «Призвание Рюрика», «В одном строю», «Русло», «Три войны полковника Богданова», «Цивилизация троичников», «Красный Рассвет», «Егорыч» и других. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Н. Алексеева, премии «Сталинград», премий Администрации Псковской области, «Чернобыльская звезда». Член Союза писателей России. Член правления Псковского регионального отделения СПР.

К ТОПОРУ

Сорвались в чёрную дыру,
Забыв про волю и про святцы.
Зову Россию к топору,
Зову очиститься, подняться.

Играют в лезвии лучи,
Уходит душная хвороба.
Топор получше наточи,
Фальшивит плетъ, когда есть обух!

Топор в руках и быть добру!
Померкнут деланные измы.
Зову Россию к топору.
Рубить амбары, храмы, избы,

«СОРВАЛИСЬ В ЧЁРНУЮ ДЫРУ...»

Хоромы, терема – на вкус!
И с нами в робе и рогоже
Великий плотник Иисус
И на плечо топор положен.

2009 г.

ЗАПАД

Умом Россию не понять,
Когда понять и не пытались,
Когда хотели бы обнять,
Да так с хотеньем и остались.

И снова руки режет сталь,
Отец гордится блудным сыном,
Где лишь цепочка без креста
С нелепым, сломанным аршином.

2007 г.

РЕВОЛЮЦИЯ НА БИС

Памяти Егора Летова

Все царапины, как на собаке,
Заживали на родине нашей.
Психопаты, поэты, маньяки
Жрали вёдра берёзовой каши.

Захлебнувшись помоечной
правдой,
Постидали науку молчанья
Вытирали кровавые раны
Да окрестных с собою сличали.

Вот идёт, не остыв от азарта,
Олигарх с элитарного бала,
Он украл только три миллиарда
И жалеет, что этого мало.

Вот испитую красную рожу
Пролетарий в брусчатку впечатал,
Он в общаге до пенсии дожил,
Там помрут и его внучата.

Вот из школы идёт к ресторану
Кривоногая «тёлка» фигурно,
Она хочет казаться путаной,
Это кажется ей так гламурно.

Вот протестные массы прутся,
Митингово лбы пригорюнив,
На которых «Октябрь»,
«Революция»,
А по сути трусливые слюни.

Ничего не менять так хочется,
Вдруг однажды само всё случится,
Только бьётся в толпе одиночество
Да отчаянье в рёбра стучится.

Хомуты на ободренных выях
Аж до крови порезали душу,
Вешай жирных буржуев, дави их,
Вытряхай их из кожи наружу.

Пусть узнают, чем пахнут деньги,
Когда движутся по пищеводу
И кистень заливчатского Стеньки
Вам дарует от жизни свободу.

Раззудись, первобытная сила,
Что терять тебе, дохлый пижон?!
Если нечем уже насиловать,
То насилуй армейским ножом.

Повзрослеют те вечные мальчишки,
Что готовы, когда припёрло,
Сапогами сминать вам пальчики,
Забивая челюсти в горло.

День за днём, одинаково блёклые
Снова тащат тебя с ними вниз.
Вывись кровью, разбитыми
стёклами,
Революцию делай на бис.

Это шанс твой из круга вырваться,
Туче смертной светло рассмеяться,
Под кровавым дождем вымыться
И по радуге в небо подняться!
2008 г.

Я И БЕРИЯ

До ночи засиделся в кабинете,
Когда от лампы только жёлтый
круг
И за окном давно уж дремлет ветер
Под ветки монотонный стук.

И словно из чего-то древнего,
С портрета на стене ко мне
Сошёл Лаврентий Палыч Берия,
Блеснув во тьме своим пенсне:

– Ну, что, Андрей, устал за
сутки-то?!
Вот так и я, бывало, кис

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

За докладными и рисунками,
Когда разбит от споров вдрызг.

От совещаний кружит голову,
Идеей бодр, водою сыт,
Так и живёшь, когда есть поровну
Бессонница и недосып.

– Лаврентий Палыч, ну, сравнили
вы...

Кто вы, кто я...

– Кому мы врём?

Ты тоже хочешь от бессилия
Нас воскресить в уме своём.

Ты ждёшь: советская империя
Величьем выжжет пустоту.
– Но как же жить, товарищ Берия,
Как ждать, когда невоготу?

– А так и жить, крепиться, биться,
А мне ты думаешь пустяк
Бывало видеть русских лица,
Мостящих «завтра» на костях?!

Но шли враги опять на дело,
По кухням мледа вражья слизь
Каких-то клеили мне девок,
Про кровь невинных чушь несли,

И мы, как на реке Каяле,
На Куликовом поле смели встать.
Вы вон своих не расстреляли,
А к миру нужно принуждать!

Синела ночь за лёгкой шторой
Дремало дерево в окне.

– Лаврентий Палыч, долго ль,
скоро

И сколько мучиться стране?

– Ты сам всё знаешь.

– В общем, знаю,

Но мысль зреет, как нарыв:
Как у обрыва жить по краю
И не сорваться в тот обрыв?

Сорваться весело и с песней...

– Ты потерпи, в великом сне
Мы все воскреснем, мы

воскреснем, -

Блестело в сумерках пенсне.

Крутили скука и неверие
В себя, в людей над мошкаррой.
Один Лаврентий Палыч Берия
Был на портрете, как живой.

Я сжал виски, сужались стены,
В глаза бросала ночь золу,
И бился ветер в чёрных тенях,
Как Тухачевский на полу.

2009 г.

ДОЖДЁМЯ

Русским числиться не сложно.
Бей себя картинно в грудь,
Не забудь про бездорожье,
Дураков не позабудь.

Закати на час речугу,
Чтобы были там сполна
Покаяние и чудо
Да святые имена.

А потом поверх барьеров
Вознесись, как вверх листва.
Но без дел любая вера
Исключительно мертва.

Дождёмся...

Скажет нам в тоске:
«Руси нет краше в целом свете!»
На чистом русском языке
Китаец, выйдя из мечети.

2009 г.

КУРЯЩАЯ ЖЕНЩИНА

Чтоб в доме пахло мужиком...

В. Штубов

Чтоб в доме пахло мужиком,
За сигаретой куришь сигарету,
И смотришь за сиреневым

дымком,

Приняв игру за чистую монету.

Клубится мыслей возбуждённых

взвесь

И иногда – мороз по коже,
Что мужиком не пахнет здесь
И женщиной не пахнет тоже.

2004 г.

ВЗВОДНЫЙ

– Почему я пью безбожно?

Не затем, что инвалид.

Что ноги нет – помнишь тоже,

Но, как сердце, Русь болит.

Оттого я пью, братуха,
Что вся Русь в похмельном сне
И гражданская житуха
Пострашней, чем на войне.

Там мы быстро б разложили,
Кто простой, кто ваххабит,
Там по совести мы жили,
Всё по чести – без обид.

Там враги и быют они же,
Если наши, то – навек.
К нашим вышел, значит, выжил,
Есть друзья, тепло, ночлег.

Ну, а здесь всё так случайно,
Вместо жизни лишь обряд.
Тут задрипанный начальник
Сам себе и сват, и брат.

Сам себе Господь и мода,
Ну, а нам одна игра:
Мать без пенсии полгода,
Без зарплаты год – сестра.

Возле свалки дядька бродит
По утрам, пока все спят.
А с трибун врут о народе,
Каждый первый – депутат.

Не стыди меня, не нужно,
Самому противно ведь
Задохнуться в грязной луже
Русский век, молчать, терпеть...

Потому и пью – забыться,
Потому и пью – забыть.
Чтоб не видеть эти лица,
Чтобы совесть сохранить.

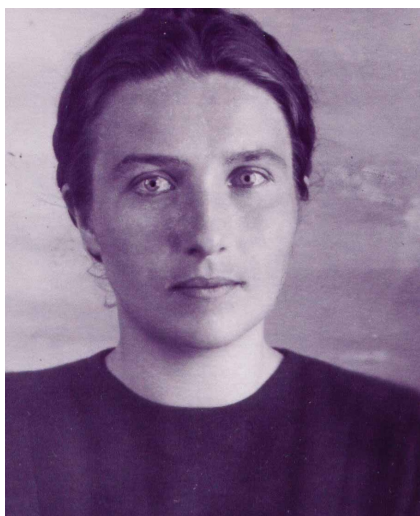
От жирующих, продажных
Здесь не жизнь, а миражи,
Я хочу уродов ваших
Калашом всех положить.

А захочешь быть мне братом,
От врагов очистить Русь,
Приходи-ка с автоматом,
Там и с водкой разберусь.

2005 г.

«СПАСИ ТОГДА НАС, ДОБРЫЙ ГЕНИЙ...»

Мы нередко встречались с нею в Андреаполе, особенно в последние годы ее жизни. Случалось, я звонил своей учительнице русского языка и литературы и классному руководителю из Твери, чтобы уточнить написание отдельных слов или проконсультроваться по литературоведческим моментам. Память у Татьяны Васильевны была феноменальная. Она могла часами наизусть читать Пушкина, Тютчева, Блока, Маяковского...

РОДИЛАСЬ Татьяна Васильевна в селе Покровское Зыковского сельского Совета 10 декабря 1922 года. Ее мама, Елена Ивановна Невдачина (по рождению Дубровская), после окончания Торопецкой женской, с педагогическим уклоном, гимназии работала в Туровской (Покровской) школе учительницей начальных классов, позднее была директором этой школы. Отец, Василий Александрович Невдачин, окончивший духовную семинарию, также учительствовал в этой школе, ставшей в 1935 году семилетней. Он далеко не единственный человек в роду Татьяны Васильевны имевший духовное образование. Дедушка ее по матери тоже был священником, служил на погосте Неворож. Дедушка по отцу был диаконом в Покровском. Отличие в названиях села и школы объ-

яснялось тем, что официально село называлось Тура-Покровская. Уже не один десяток лет в этих местах не живут люди, а тогда здесь всю кипела жизнь. Люди крестьянствовали, учительствовали, молились Богу. В Покровском было две церкви - зимняя и летняя. Зимняя - деревянная, летняя - каменная. Под летней церковью находился склеп, видимо, принадлежавший помещицкой семье, происходившей из рода Голенищевых-Кутузовых. В старой церкви, после ее закрытия, разместились школы, клуб, сельсовет - настолько она была большая, а хоронить людей на церковном кладбище, которое было обнесено красивым каменным забором, запретили.

В Покровском Татьяна Невдачина окончила четыре класса, а в пятый ходила в Андреапольскую среднюю школу. Жила одно время на квартире на Красной улице (теперь Гагарина), затем у дяди Николая Ивановича Дубровского, он работал в школе завучем. Окончила школу в 1940-м году и поступила в 1-й Ленинградский мединститут. «Подружка меня зазвала поступать за кампанию, я и согласилась, - рассказывала Татьяна Васильевна. - А потом выяснилось, что она меня подвела - поступила в другой вуз. Спустя несколько месяцев я поняла, что выбор мой неверен и, оставив учебу, вернулась в Покровское, где появилась возможность преподавать в младших классах. Думала, через год поступать в педагогический институт, но началась война. В

конце августа она добралась и до наших мест. Вместе с учительницей Анной Никитичной Ивановой (Забродой) я отправилась в Андреаполь за получением открепительных удостоверений на эвакуацию, но нам их не выдали. В это время в Покровском на короткое время обосновался эвакуогоспиталь, Анна Никитична ушла вместе с госпиталем, а нашей семье, как, впрочем, и другим жителям Покровского, военные рекомендовали перебраться в Михеево. Мол, там, в трех километрах от большого безопаснее. Часть жителей села, в том числе и моя мама (отец умер еще в 1936 году), последовали совету, а я с братом Володей, фельдшером Тоней Фомичевой и сестрой учительницы Симой Колпачевой отправилась пешком в наш тыл. Пройдя около сорока километров, остановились в деревне Берчиково, в полной уверенности, что дальше немцев не пустят. Недели две работали в колхозе, получив за это хлеб и курицу.

Война, однако, приближалась. Уходя от нее, добрались до Осташкова, где нас приняли на ночлег родственники нашей учительницы Елены Александровны Алексеевой, отсюда - последним поездом выехали на Калинин. В Калинин нам дали направление на завод в город Молотов, ныне Пермь, что на Урале. Плыли на пароходе «Профессор

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр.12).

Мечников», затем - в трюме баржи. В Рыбинске купили поесть кабачковую пасту и отравились. С подозрением на тиф нас высадили в Набережных Челнах. Подозрение не подтвердилось. После излечения работали на укладке теса. На работу надо было ходить через Каму. Я так обессилела, что однажды едва не замерзла. И замерзла бы, наверное, если б не случай. Слышу за спиной: «Эй, братка, садись, довезу!» Старый татарин меня спас...

Затем Тоня Фомичева уехала к родственникам в Сычевку, Володя и Сима пошли работать в эвакогоспиталь, а я - подсобной рабочей в парикмахерскую. Люди были вокруг отзывчивые, связали мне варежки. Верхняя одежда была та, в которой эвакуировались, - демисезонное пальто и коричневый беретик. Из нижней два платья сатиновых. На ногах - Володины кожаные сапоги. Вскоре я пошла на повышение. Назначили меня кладовщицей горкомхоза, где я стала распоряжаться мылом, запчастями, керосином. Жили в подвалышке у тети Поли Горбуновой, сына ее Алешей звали, потом у Порубовых, хозяйка - Люба, муж - Саша. Утром 16-го пошла я на Каму за водой. Мороз был такой сильный, что подморозила щеки. Возвратилась к Порубовым, слышу, по радио сообщают, что освобожден от немцев поселок Андреаполь. Опустилась на стул, слезы потекли по моим щекам. Как это было замечательно! Написала письмо домой, 7 апреля пришел ответ. Число мне запомнилось еще и потому, что в тот день главный врач госпиталя пригласила меня на обед. До сих пор помню эту женщину в военной форме. Она меня почти не знала, только видела, когда я приходила навещать брата и Симу. Видимо, поняв, как нелегко нам приходится, решила согреть мою душу вниманием. С нею я посоветовалась, как мне быть. «Надо ехать, девочка», - сказала она. Володя и Сима решили остаться, а я взялась

хлопотать себе пропуск на пароход «Софья Перовская». Дело было почти безнадежное, но снова оказался на моем пути добрый человек - заместитель начальника милиции по фамилии Вячкирев. Встретила его уже на пароходе, спросила: «Почему вы многим отказали в получении пропуска, а мне - нет?». «Так мне посмотрелось», - ответил.

Добралась я до Бежецка, откуда - до станции Бологое-два, а дальше транспорта никакого не было. Пошла пешком. Ночевала в разрушенном сарае рядом с какой-то деревней. Рано утром слышу, гудят машины. Колонна шла на фронт. Мне повезло - маршрут колонны проходил по торопецкому тракту через План, а от Плана до Покровского всего два километра. Следом добрался домой и Володя. Его 25 июня призвали в армию, в школу парашютистов в Иваново. Окончив ее, он воевал, был ранен в руку. Погиб Володя под Старой Руссой. В Книге Памяти значится, что случилось это в деревне Марфино.

Только пережив все это, Татьяна смогла осуществить мечту - учиться в институте. Работая в Покровском, заочно окончила учительский институт, затем - педагогический. Во время одной из сессий познакомилась с Петром Ивановичем Супоневым. Он вспоминал: «Покупая как-то в ларьке на улице Урицкого в Калининском районе, встретил коллегу из Редкинской школы. Она была не одна, а с подругой Татьяной. Чтобы подтвердить, что встреча была не случайной, а судьбоносной, приехал на каникулах в Покровское. На печке она меня отогревала с дороги». Татьяна Васильевна уехала с ним работать в Редкино, Конаковского района. Затем переехали в Андреаполь. Вскоре появилась дочь, нарекли ее Еленой.

Татьяна Васильевна преподавала русский язык и литературу в Андреапольской средней школе (впоследствии школе №1), работала в районном отделе народного

образования. Петр Иванович преподавал в этой же школе физику и математику, работал некоторое время в отделе народного образования и два десятка лет директорствовал в Горской школе, преобразованной затем во вторую среднюю школу. Ему было присвоено звание Почетного гражданина Андреапольского района. Дочь Супоневых Елена окончила факультет биологии МГУ, защитила кандидатскую диссертацию, в трудные 90-е переехала жить и работать в США. «Если б не ельцинская разруха, она могла бы найти применение своим знаниям и в России», - сетовала Татьяна Васильевна.

Вспоминаю, как летом 2005-го, в год сорокалетия нашего выпуска, мы, ее бывшие ученики, ватагой «завалились» к Супоневым. Накрыли в саду импровизированный стол, говорили речи, в которых неизменно присутствовали слова благодарности Татьяне Васильевне, слушали, как вдохновенно читала она стихи, а потом дали концерт. В нем участвовали, наверное, лучшие певцы Андреапольской средней школы 60-х лет Инна Ухова и Юра Стрелков. Народ гурьбой стоял у забора и рассуждал: «Зачем на День города идти, если здесь такое...». Мы пели и играли в тот июньский день для своей учительницы, всегда служившей для нас примером. Она была удивительно скромна, деликатна в выражениях, однако за всем этим скрывались решительная воля и твердый, принципиальный характер.

Вроде бы и не женское это дело - государственная политика, однако Татьяна Васильевна по самому высокому цензу была Государственным человеком. Выписывала патристическую газету «Советская Россия», в которой читала и мои статьи, читала патристический журнал российских писателей «Наш современник», критически

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 12-13).

относилась к либеральной культурной политике. Остро переживала за то, что деградирует образование, умирает деревня, падает нравственность. Ей, все свою жизнь посвятившей высоким идеалам, было невыносимо больно видеть, как вместо бескорыстного служения Отечеству смыслом жизни для многих становится накопительство, как пребывание во власти превращается в личный бизнес, а страна наша утрачивает свои позиции в мире.

После кончины Петра Ивановича одинокой Татьяна Васильевна себя не ощущала. Часто звонила из Америки дочь Елена, приходили родственники, друзья, соседи, бывшие ученики. На склоне жизни ее заботливо опекала преподаватель пения Нина Ивановна Васильева... Последний раз мы разговаривали с Татьяной Васильевной по телефону 5 августа 2012 года. В тот день я передал для нее только что вышедшую свою книгу «Ощущение рода», и она, уже не встававшая с постели, позвонила мне домой. Поблагодарила, произнесла добрые слова, которые я воспринял как напутствие. В мыслях вернулись тютчевские строки, которые в трудную для меня пору в начале 2000-х Татьяна Васильевна прочла мне по телефону:

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, -
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир...*

15 августа мы провожали ее в последний путь. Осталась память - негромкая, но чистая и светлая, как речка Любутука в том краю, где Татьяна Васильевна родилась.

Валерий КИРИЛЛОВ,
писатель, лауреат премии
«Слово к народу».

На снимке: Т.В. Супонева,
Фото 50-х гг.

«ВЫ НЕ КУПИТЕ СОЛНЦЕ...»

Наталья ИВАНОВА,
п. Пено

Родилась в Архангельске, однако вскоре семья переехала в посёлок Пено Тверской области. Первые стихи начала писать во время учёбы в школе.

Первой публикацией Натальи Ивановой стала стихотворная подборка в районной газете Осташковского района «Селигер». Позже стихи издавались в пеновской газете «Звезда», в сборниках лирических стихов пеновских поэтов, в Каблуковских альманахах и сборниках, в альманахе «Новый Селигер», в сборнике номинации на премию «Поэт года 2014» «Детская литература», в сборнике поэтических перекличек «В бессонные ночи затейливы строчки», в газетах «Вече Твери», «Нелидовский благовест» и «Западный форпост».

* * *

Вы не купите солнце –
И любовь не товар,
Она Богом даётся,
Потому она – дар.

Но не чувствует крыльев
Долгожданной весны,
Кто нарушил стабильность
Аксиом прописных.

И любовь почему-то,
Если в сердце темно,
не промедлив минуты,
улетает в окно.

Закрываются двери,
где она не кружит,
Где расчётливо мерят
Полумерами жизнь.

* * *

Сквозь беспечность и тревогу,
Через радость и беду,

По своей дороге к Богу,
Не сутулясь, я иду.
Может прямо лечь дорога,
Может в лес свернуть, губя.
А молитва есть... для Бога,
И другая – для тебя.

Я прошу у Бога силы
Жизнь свою в любви прожить,
А тебя прошу: помилуй,
Дай мне силы разлюбить.

* * *

След тропинки замело метелью.
Что же делать? Ведь меня там

ждут.

Видно вихри выюжные хотели
Помешать, нарушив мой маршрут.

Я стою, в сугробе вязнут ноги.
А идти всего-то пять минут!
Только знаю, многие дороги
Никуда в итоге не ведут.

И не вьюга этому угрозой,
Не метель помехой на пути,
Где-то впереди предвижу слёзы,
Что сейчас мешают мне идти.

Белый снег решительно и грозно
Лёг преградой на моём пути,
Словно знает: жгучую занозу
Только время вынет из груди.

* * *

Родные нераспаханные дали...
Сосна, ольха, прощальный клёкот
уток.

Наверное, элегии рождались
У Пушкина в такие вот минуты.

Лесной тропинкой женщина с
котомкой
Ссутулившись спешит на
остановку,
Звенит кукушка песней ломкой,
тонкой.
Считать лета – нелепая уловка.

Комар, мошка, клещи, слепни и
осы,
Пацан ведёт конягу к водопою,
В ладонях городские папиросы
Ещё под утро смочены росой.

Я стукну, повторяет эхо стук мой.
На пасеке налиты мёдом соты.
И как на мху осенней крупной
клюквой
В лесу рассыпаны болота.

• Встречи

«Рубеж» в Андреаполе: 20 лет спустя

Для прежних и новых ценителей литературы

ВРЕМЯ тянется только на уроках для нерадивых учеников. А так оно всегда летит довольно быстро. Вот кажется давно ли творческая группа «Рубеж» в составе своих представителей Евгения Невского, Александра Никифорова, Александра Юринова, Татьяны Лапко и Андрея Канавщикова впервые выступила в библиотеке тверского Андреаполя, а прошло ведь уже 20 лет.

27 июня 1997 года у наших соседей выступал поэтический десант из Великих Лук, а в первые выходные сентября того же года в центральной библиотеке Андреаполя было выставлено около 40 живописных полотен художников Александра Никифорова и Петра Румянцева.

Те поездки запомнились не только гостям. Даже через год в газете «Андреапольские вести» Елена Ермолаева писала: «Я с рифмой дружить никогда не желал, но рифма дружить пожелала...» - всё, как в строчках Евгения Невского, одного из тех великолучан. Рифма пленила и нас. За самыми разными событиями года встреча с ними почему-то не забылась. Вероятно, есть в этом «нечто метафизическое», как ещё во время встречи заметил Александр Юринов.

Показательны слова про «почему-то не забылась». Но, видимо, то, что искреннее и настоящее и не может забыться в принципе. Сейчас прошло уже 20 лет. Давно нет в живых члена Союза писателей России Евгения Невского и художника Петра Румянцева. Александр Юринов живёт в Екатеринбурге и является уже автором целых двух поэтических книг – «Где течёт вода» и «Приращение любви».

Однако, и через 20 лет «Рубеж»

в Андреаполе продолжают помнить. Причём, именно андреапольцы и предложили вспомнить этот нечаянный юбилей очередной встречей всё в том же зале библиотеки, где творческое знакомство состоялось.

Подошли к библиотеке. Поднялись по крыльцу, где когда-то фотографировались все вместе. Встретились с директором Н. В. Беляковой, которая всё также возглавляет своё учреждение. Сразу узнали друг друга, словно и не расставались.

А тем временем в зале великолучан уже ждали прежние и новые ценители литературы. Прежний председатель комитета культуры М. И. Ильина, поэт Маргарита Петрова, журналист Галина Волкова, почётный член «Рубежа» бард Михаил Ильюшонок...

Кратко о сделанном за все эти годы библиотека предложила рассказать Татьяне Лапко. Она поприветствовала зал, выразив уверенность, что давняя встреча не оказалась ни для кого напрасной. Более подробно был представлен издательский проект «Рубежа» - альманах «Из варяг в греки». Он выходит с периодичностью один раз в два года и на его страницах увидели свет сотни произведений почти сотни авторов из России, Белоруссии, Узбекистана, Приднестровья.

Затем со своими свежими книгами и стихами познакомил Андрей Канавщиков. Прозвучали известные и новые произведения, в том числе, из поэмы «Хлебников», книг «Коромысло», «Смотритель маяка». Говоря о своей публицистике, автор адресовал интересующихся к «Прямому репортажу из Вавилона», сборнику статей, выпущенных издательством «Беловодье».

В подарок библиотеке Андреаполя были переданы сборник стихов

«Земляника», изданный издательством Сергея Маркелова, и сборник биографических сведений о псковских писателях «Времени вечные крылья», который посвящён приближающемуся 50-летию Псковской писательской организации. Интересно, что участники литературного вечера серьёзно подготовились к встрече ко своими старыми-новыми гостями. Поэт Мария Черкасова, например, сказала, что уже прочла «Смотрителя маяка», а Маргарита Петрова живо интересовалась творческим развитием великолучан, показывая отличное знание, как прочитанного в 1997 году, так и того, что члены «Рубежа» обозначали в своих последующих сборниках и авторских книгах.

Завершением юбилейной встречи стали цветы и фотографии на память. Причём, постоянно звучали просьбы не откладывать следующий приезд на 20 лет.

- Мы вас всегда ждём,
- завершила Н. В. Белякова.

- А мы и не отказываемся, - подтвердили великолучане свой подход Наталье Викторовне.

И самое главное, что можно было вынести и из этой поездки к нашим тверским соседям, и из многих других поездок: у людей есть потребность в поэзии, люди хотят слушать стихи и искренне тянутся к ним. И никуда от этого факта не деться. Как бы разнокалиберные коммерсанты от литературы не доказывали обратное.

Во всяком случае, двадцать лет для любви к литературе – не срок.

А. КАНАВЩИКОВ
Фото Татьяны ЛАПКО

Золотой запас

Сергей Клычков

(1889-1937)

ЗОРЯНИЦА

Луг в туманы нарядился,
В небе месяц народился
И серпом лег у межи, —
Над серпом горят зарницы,
Зорят жито и пшеницу,
Бьются крыльями во ржи!

Сток, как дружка, на поляне,
И бока его в росе,
Звезды клонятся в тумане,
Скоро выйдут поселяне
И согнутся в полосе!

И, до вечера на жнитве
Не сложа усталых рук,
В громкой песне и молитве
Будут славить дедов плуг!..

1912 г.

Николай Клюев

(1884-1937)

* * *

В просинь вод загляделися ивы,
Словно в зеркальцо девка-краса.

Убегают дороги извивы,
Перелесков, лесов пояса.

На деревне грачиные граи,
Бродит сон, волокнится дымок;
У плотины, где мшистые сваи,
Ниже скатную зернь солнопёк -

Водянице стожарную кикку:
Самоцвет, зарянец, камень-зель.
Стародавнему верен навыку,
Прихожу на поречную мель.

Кличу девушку с русой косою,
С зыбким голосом, с вишеньем
щек,

Ивы шепчут: «Сегодня с красою
Поменялся кольцом солнопёк,

Подарил ее зарною кикой,
Заглубил в речном терему...»
С рощи тянет смолой, земляникой,
Даль и воды в лазурном дыму.

1912 г.

Михаил Исаковский

(1900-1973)

* * *

Попрощаться с теплым летом
Выхожу я за овин.
Запылали алым цветом
Кисти спелые рябин.

Всё молчит - земля и небо,
Тишина у всех дорог. Вкусно пах-
нет свежим хлебом
На току соломы стог.

Блекнут травы. Дремлют хаты.
Рощи вспыхнули вдали.
По незримому канату
Протянулись журавли.

Гаснет день. За косогором
Разливается закат.
Звонкий месяц выйдет скоро
Погулять по крышам хат.

Скоро звезды тихим светом
Упадут на дно реки.
Я прощаюсь с теплым летом
Без печали и тоски.

Вероника Тушнова

(1911-1965)

* * *

Быть хорошим другом обещался,
звезды мне дарил и города.

И уехал,
и не попрощался.
И не возвратится никогда.

Я о нем потосковала в меру,
в меру слез горячих пролила.
Прижилась обида,

присмирела,
люди обступили
и дела...

Снова поднимаюсь на рассвете,
пью с друзьями, к случаю, вино,
и никто не знает,
что на свете
нет меня уже давным-давно.